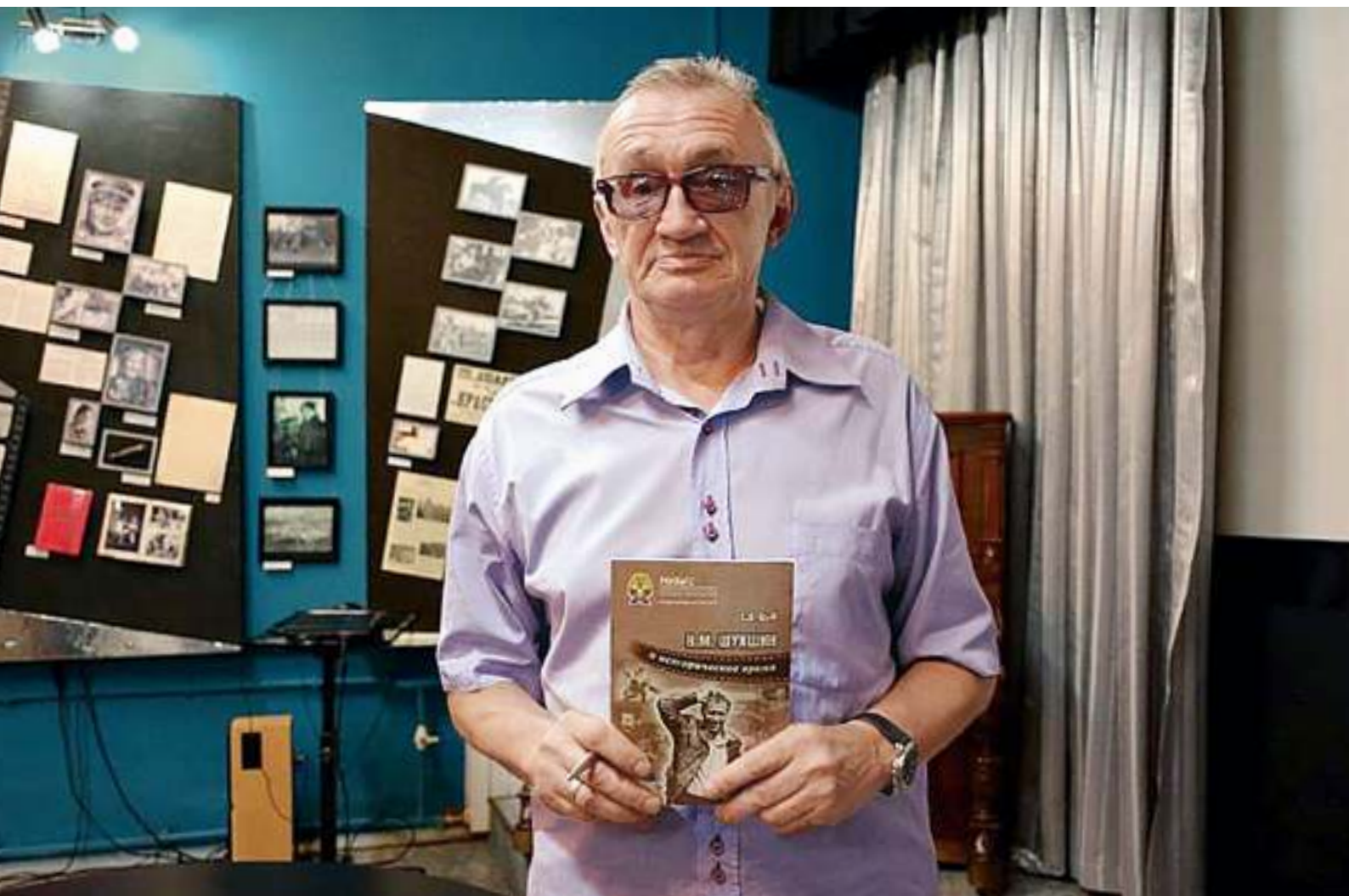

Один из первых сборников алтайских шукшиноведов назывался «В.М. Шукшин — философ, историк, художник» (Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1992). Выбирая такое название, филологи Алтайского госуниверситета хотели не только высветить разные грани таланта Шукшина, но и призывали представителей смежных гуманитарных наук к совместному комплексному изучению наследия писателя, режиссера и актера. Отчасти этот призыв был

услышан, в работу над творчеством Шукшина включились барнаульские философы, искусствоведы, социологи. Но в целом проект комплексного изучения феномена Шукшина пока не получил должного воплощения.

Вероятная причина отсутствия совместных разработок ученых-гуманитариев — несходство их методологических установок. Обращаясь к художественной литературе, социологи, психологи, историки, к сожалению,

Сергей Цыб.
Фото из сета Internet

обычно игнорируют ее специфику. Для них литература — это повод поговорить об исторических событиях, о психических заболеваниях, о социальных конфликтах. Для литературоведов же, как заметил известный польский теоретик Ежи Фарино, «...литература становится источником сведений не о чем-то по отношению к себе внешнем, а о самой себе».

Достоинство подхода автора рецензируемой книги к творчеству Шукшина в том, что он специфику литературы старается учитывать, хотя получается это у него не всегда. С. В. Цыб остроумно пишет о якобы существующем «этаким пакте о взаимном ненападении историков на художников и наоборот» (с. 15), но сам соблюдать этот пакт явно не намерен.

В главе «Источники исторических знаний В. М. Шукшина» цитируется фрагмент из беседы писателя с корреспондентом газеты «Московский комсомолец»: «На мой взгляд, художник должен критически относиться к этим, случайно дошедшим до нас, отрывочным сведениям, ибо цель его — не скрупулезное следование мелким деталям и незначительным фактам, а обобщение, постижение главного, исторической правды».

«Потрясающее высказывание! — комментирует цитату С. В. Цыб. — Это он-то, человек, не имеющий специального образования, присваивает себе право критически относиться к писаниям древности, это он-то взваливает на себя ответственность за разделение фактов на незначительные и значительные, это он претендует на восстановление исторической правды?!» Позже, правда, историк сменяет гнев на милость и признает за Шукшиным «право выбирать из исторической информации только те сведения, которые соответствовали его пониманию образа Разина» (с. 59, курсив автора).

Автор «Заметок...» — доктор исторических наук — определенно чувствует свое превосходство в споре с «дилетантом» (так С. В. Цыб именует Шукшина на той же странице). Но если чуть сместить акценты, то окажется, что спор ведут не профессионал с любителем, а историк с художником, и никакого преимущества нет ни у одного из них.

Впрочем, может быть, некоторого рода перевес как раз на стороне писателя. Аристотель в «Поэтике» давным-давно провел четкую границу между историей и поэзией: «...Задача поэта — говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или

необходимости <...>. Историк и поэт различаются <...> тем, что один говорит о том, что было, а другой о том, что могло бы быть. Поэтому поэзия философичнее и серьезнее истории — ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном».

Шукшина, судя по всему, мало интересовало «что было», прежде всего его интересовало «что могло бы быть». Для понимания взглядов писателя на историю первостепенное значение имеют два рассказа — «Миль пардон, мадам!» (1968) и «Чужие» (1974). Рассказ «Миль пардон, мадам!» в книге С. В. Цыба, пусть и мимоходом, упоминается, а вот рассказ «Чужие» странным образом выпал из его поля зрения, между тем это одно из немногих произведений, где Шукшин напрямую обращается к истории, к тому же — это его последний рассказ.

Рассказ «Миль пардон, мадам!» был напечатан в 1968 году в журнале «Новый мир» (№ 11) вместе с циклом «Из детских лет Ивана Попова». На первый взгляд Шукшин сталкивает в публикации две взаимоисключающие тенденции. Рассказы цикла стилизуют бесхитростные, правдивые мемуарные очерки, столь высоко ценимые редакцией «Нового мира». В черновых набросках текст даже имел характерный подзаголовок «Воспоминания, написанные им самим». Центральный эпизод рассказа «Миль пардон, мадам!» — это тоже воспоминания, но только не написанные, а «рассказанные им самим». Разница оказывается принципиальной. «Из детских лет Ивана Попова» — это точное воспроизведение трудного быта военных лет, «Миль пардон, мадам!» — свободная фантазия на литературные темы.

Шукшинская историческая концепция существенно отличается от той, которую проповедовал журнал А. Т. Твардовского. СССР не зря прозвали «страной с непредсказуемым прошлым». Понятно, почему борьба с фальсификацией истории стала одним из приоритетов «Нового мира» — флагамена отечественного либерализма шестидесятых годов. В программной редакционной статье 1965 года «По случаю юбилея» Твардовский наряду с другими актуальнейшими проблемами поднял и вопрос о «лжемемуаристах»: «Было и еще худшее: сознательные подделки этих "личных свидетельств", искажение фактов истории лжемемуаристами, приспособление ими своего "аппарата памяти" к потребностям текущего дня». Шукшин в отличие от редактора «Нового мира» далек от однозначного осуждения своего героя-лжемемуариста Броньки Пупкова,

---

Сергей Цыб,
профессор кафедры
археологии,
этнографии и
музеологии АлтГУ,
доктор исторических
наук

С.В. Цыб

В.М. ШУКШИН И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Барнаул, 2019

с его бредовым рассказом о покушении на Гитлера. Писателю важно показать, как сквозь плотную завесу литературных мотивов и образов пробивается правда жизни. Фальшивых документов, как известно, не существует. Парадокс в том, что лжемемуары могут говорить об исторической правде гораздо больше, чем самые достоверные свидетельства.

Текст «Миль пардон, мадам!» включает широкий круг исторических реалий. В рассказе упомянуты: петровская эпоха, сталинские репрессии 1930-х годов, Великая Отечественная война и, разумеется, шестидесятые годы. Такая концентрация исторического материала не удивительна, так как центральная проблема рассказа раскрывается через характерное для Шукшина противопоставление истории официальной («Истории государства Российского/Советского») и «непечатной», фантастически искажающей реальные события. При всей нелепости байки Броньки Пупкова именно в ней сконцентрирована историческая правда, и финальная реплика рассказа («А стрелок он был, правда, редкий») призвана подчеркнуть эту сокровенную правду.

В программной статье «Нравственность есть Правда» (1969) Шукшин писал: «Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот — дурачок. <...> Герой нашего времени — это всегда "дурачок", в котором наиболее выразительным образом живет его время, правда этого времени». Бронька Пупков и есть тот самый «дурачок», который, по Шукшину, странным образом выражает правду своего времени. Профессиональному историку признавать это, конечно, трудно.

Рассказ «Чужие», пожалуй, еще интереснее. Первая часть рассказа, в которой говорится о жизни великого князя Алексея Александровича, представляет собой якобы цитату из некоего исторического сочинения: «Попалась мне на глаза книжка, в ней рассказывается о царе Николае Втором и его родственниках. Книжка довольно сердитая, но, по-моему, справедливая. Вот что я сделаю:

я сделаю из нее довольно большую выписку, а потом объясню, зачем мне это нужно».

Бронька Пупков оправдывал свою ложь тем, что его рассказы — «не печатная работа», а потому «засудить его за искажение истории не имеют права». В рассказе «Чужие» примерно половина текста — это как раз печатная работа не названного историка. Однако она не менее фантастична, чем рассказ Броньки о покушении на Гитлера. Чего стоит хотя бы ссылка на будто бы изобретенную каким-то французом необыкновенную морскую торпеду, которая «подымает могучий водяной смерч и топит им суда».

На вопрос: «Зачем Шукшину понадобилась подобная псевдодокументальность?» — уже убедительно ответил на страницах монографии «Несобственно-художественное творчество В.М. Шукшина: системное описание» (2015) Д.В. Марьин: «Рассказ <...> строится на своеобразной асимметрии: первая часть произведения есть вымышленная история о реальном лице, вторая часть — реалистическая история о лице вымышленном. Теперь возможно объяснить обращение В.М. Шукшина к псевдодокументальности в рассказе. Используя подобный прием, писатель подвергает сомнению марксистское истолкование хода исторического процесса, в основе которого лежат социальные противоречия между классами. У Шукшина же исторические факты определяются во многом причинами личными, психологическими и, зачастую, случайными. Именно такой подход мы встречаем и в рассказе "Экзамен", где пленение князя Игоря сопоставляется с эпизодом из жизни студента-заочника, во время войны бывшего в плену у немцев. Подобный личностный взгляд на историю, взгляд сквозь призму поступков "апостолов истории", присутствует в рассказах "Миль пардон, мадам!", "Стенька Разин", романах "Любавины" и "Я пришел дать вам волю"».

В чем-то, кстати, вывод Д.В. Марьина совпадает с позицией С.В. Цыба, считающего, что Шукшин был «весьма упрощенным ретранслятором идеи классовой борьбы, чуть ли не механически введившим ее в свои романы» (с. 79). Только формулировки

Д.В. Марьина все же несколько точнее и основательнее.

Очень скептически С.В. Цыб относится к понятию «шукшинская историософия», по его мнению, — это «блеф, искусственно созданная логическая ошибка» (с. 17). Такое решительное отрицание возможности существования шукшинской философии истории означает серьезную недооценку глубины и масштаба творчества автора «Любавиных». На вопрос: «Мог ли этот изначально малограмотный уроженец села Сростки стать мыслителем, сумевшим оценить историческое развитие России с высот философской позиции?» — С.В. Цыб склонен дать отрицательный ответ (с. 17). На самом деле целостная концепция истории у «малограмотного уроженца села Сростки», безусловно, есть. Хотя, надо принять во внимание, что в шукшинской модели русской истории время не линейно, а циклично, историю вытесняет исторический миф. Может быть, именно это обстоятельство смутило С.В. Цыба — крупного специалиста по исторической хронологии.

Методология, привычная для историка, далеко не всегда эффективна при изучении произведений искусства. С.В. Цыб, в частности, затрагивает такую важную для шукшиноведения проблему, как установление времени написания того или иного рассказа. Сделать это он собирается по историческим приметам, которые Шукшин вносил в тексты своих произведений, отразивших «окружавшую автора действительность, его историческое время» (с. 33). «Метод анализа авторских конкретизаций художественного времени» (с. 27) приводит к ошеломляющим выводам. Выяснилось, например, что «рассказ "Упорный" был написан, как минимум, десятью годами раньше его издания», т.е. в 1963 году (с. 31). Сенсация, увы, не состоялась. Лев Аннинский, имевший доступ к рукописям Шукшина, еще в комментариях к шеститомному собранию сочинений (1993) установил, что рассказ этот был написан в декабре 1972 года. Впрочем, если поставить рассказ «Упорный» рядом с шукшинскими рассказами 1963 года («Гринька Малюгин», «Классный водитель», «Игнаха приехал»), то ссылка на авторитет Льва Аннинского и не потребуется.

Отличие поздних произведений Шукшина от ранних столь разительно, что перепутать их просто невозможно.

Конечно, не все так плохо, есть у историка свои козыри. С.В. Цыб проштудировал немало шукшиноведческих работ и часто совершенно справедливо критикует их, указывая на ошибки и упущения филологов (с. 28, 55, 82, 83 и др.). Обоснованным представляется его упрек в игнорировании шукшиноведами некоторых важных для прозы писателя источников. Поместив творчество Шукшина в более широкий контекст, мы, безусловно, добьемся осязаемого прорыва в интерпретации шукшинских произведений. С.В. Цыб абсолютно прав, утверждая, что изучение истории СССР по учебнику под редакцией А.В. Шестакова (1934) «...не могло быть бесследным в становлении взглядов» будущего писателя (с. 46). К сожалению, тезис этот должного развития пока не получил, но перспективность поисков в этом направлении сомнений не вызывает. Было бы интересно перечитать школьные учебники, по которым когда-то занимался Вася Попов, и, может стать, в них даже удастся найти истоки его убеждений и образа мыслей.

Автору «Заметок...» свойственна удивительная дотошность. Чтобы дать краткий в десять строк комментарий к высказыванию Шукшина о фильме «Сорок первый», С.В. Цыб внимательнейшим образом пересмотрел эту картину Г.Н. Чухрая, да еще заодно и перечитал повесть Б. Лавренева (с. 78). И подобных примеров тщательной проработки материала в книге немало.

Шукшиноведение в последние годы бурно развивается: если в указателе «В.М. Шукшин» 1994 года было описано 1 910 источников, то в библиографии, изданной в 2018 году, их уже 6 125. В таком потоке информации остаться незамеченной рискует любая статья или монография. При всей неоднозначности книги «В.М. Шукшин и историческое время» попытку автора взглянуть на творчество писателя под новым углом зрения нельзя не признать плодотворной, а значит, есть надежда, что работа С.В. Цыба не затеряется в почти бескрайнем море отечественного шукшиноведения. ■

Александр Куляпин

Александр Куляпин,
доктор филологических
наук, профессор БГПУ.
Автор более 300
научных публикаций,
в том числе нескольких
монографий